

NOV 11 1912

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents
Rev. A. Hotovitzky, Publisher 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No 19 Vol. XVI. NEW YORK, October 14 1912, 1 Октября 1912 г. No. 19.

For English Text see page 349.

Въ стрѣтеніе Архипастырю.

Радостно привѣтствуемъ Церковь С.-Американскую съ наступающимъ пріѣздомъ ея Первосвятителя. Давножданная вѣсть о возвращеніи Высокопреосвященнѣйшаго Владыки ПЛАТОНА къ преданной ему паствѣ наконецъ пришла. Числа 27 Окт. по ст. ст. Епархія наша снова узритъ благостный ликъ своего Святителя, услышитъ его отеческое слово, сподобится принять его Архипастырское благословеніе. Владыка выѣзжаетъ изъ Либавы на пароходъ «Россія» 16 Октября.

Ангела Хранителя да пошлетъ Господь Вседержитель въ спутники Владыкѣ Архiepiscопу! Да изравняетъ въ это бурное тяжелое для морскихъ переходовъ время океанскій путь его, и невредимо и цѣлостно во всякомъ благополучіи Архипастыря нашего Церкви его возвратитъ!

Да усугубятъ же свои горячія сыновнія молитвы о своемъ Святителѣ Американскіе пастыри и пасомые!

Благословенъ грядый во имя Господне!

Высокопреосвященнѣйшій
Архіепископъ Платонъ.

Почаевская Лавра.

Грядущая Святыня.

Въ даръ и благословеніе Церкви Американской отъ святой Обители Почаевской Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Платонъ приносить великую святыню — изображение чудотворной иконы Почаевской Божіей Матери съ частицею мощей Преподобнаго Іова, Игумена Почаевского.

Земно кланяемся св. Почаевской Обители и сыновне лобызаемъ Архипастырскую любовь и заботу ея Священно-архимандрита, Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Антонія, за сей даръ. Да освятитъ Владычица Небесная благодатью своего чудотворенія и это написаніе образа Ея — въ духовное укрьпленіе вѣрно чтущихъ Ее русскихъ людей, пришедшихъ въ большинствѣ изъ той земли, гдѣ съ ранняго дѣтства привыкли притекать — и старъ и младъ — къ Ея цѣльбоносной столпѣ на Горѣ Почаевской, всегда считавшихъ и считающихъ Икону сію родной святыней, а преподобный Іовъ Игумень Почаевскій под-

вигами своего стоянія за вѣру Православную да воодушевляетъ Церковь Американскую къ вѣрному стоянію за Православную Вѣру и здѣсь.

Торжественно, въ облаченіяхъ и съ пѣніемъ тропаря и величанія Божіей Матери, встрѣтятъ Святыню духовенство и паства Миссіи Американской въ минуту прибытія Архипастыря къ берегамъ Нью Йорка. И украшая каѳедральный Соборъ, будетъ она достояніемъ какъ бы всей нашей Американской Церкви!

«О»

ТРОПАРЬ ПОЧАЕВСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Гласъ 5-й.

«Предъ святою Твоею иконою, Владычице, молящіяся исцѣленій сподобляются, вѣры истинныя познаніе приемятъ и агарянская нашествія отражаютъ. Тѣмже и намъ, къ Тебѣ припадающимъ, грѣховъ оставленіе испроси, помыслами благочестія сердца наша просвѣти и къ Сыну Твоему молитву вознеси о спасеніи душъ нашихъ».

ВЕЛИЧАНІЕ ПОЧАЕВСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

«Величаемъ Тя, Пресвятая Дѣво, и почитаемъ честную икону Твою, юже отъ дѣтъ древнихъ на горѣ Почаевстѣй прославила еси».

Отзывъ иностранца. A Foreigner's Testimonial.

Профессоръ богословія Берлинскаго университета д-ръ Холль, одинъ изъ выдающихся въ Германіи знатоковъ православія, недавно прочиталъ на Берлинскихъ курсахъ государствовѣдѣнія лекцію на тему: «Религіозныя основы русской культуры».

Вопросъ о религіозныхъ основахъ русской культуры является, — заявилъ проф. Холль въ своемъ вступленіи, — однимъ изъ глубочайшихъ вопросовъ для современной Россіи, если разсматривать его съ той точки зрѣнія насколько въ православіи духовныя силы сохранили свою цѣнность и въ какихъ отношеніяхъ находятся онѣ къ задачамъ нашего времени. Церковь въ Россіи заключаетъ въ себѣ, по словамъ нѣмецкаго богослова, безъ сомнѣнія значительную часть культуры, старой культуры Византіи, продолженіе существованія которой наблюдается въ Москвѣ, Кіевѣ и вездѣ. Но эта связь между церковью и культурой не является ли только внѣшней, — спрашиваетъ далѣе проф. Холль, — и не служитъ ли помѣхой для дѣйствительнаго прогресса жизни? Не должны ли церковь и старая культура вмѣстѣ пасть, когда Россія примкнетъ къ современной культурной жизни? Или же возможно и то, что и въ данномъ случаѣ религія обнаружитъ въ себѣ такія силы, при помощи которыхъ русскій народъ сможетъ извлечь современные цѣнности изъ своего собственнаго существа?

Православная церковь въ Россіи совершаетъ, по словамъ проф. Холля, культурную работу въ рамкахъ государства и при содѣйствіи государства. Церковь приходитъ государству на помощь и предоставляетъ въ его распоряженіе силы, способствующія его дальнѣйше-

Doctor Karl Holl, who lectures on theology at the university of Berlin, and is one of the prominent German students of Orthodoxy, delivered recently an address before a Berlin audience concerning: "the religious bases of Russian civilization". He said:

The religious foundation of Russian civilization is for modern Russia a question of the most profound importance, when we consider the value of spiritual forces in Orthodoxy and enquire into their relation to the problems of our time. Without any doubt, in Russia, the church preserves much of the ancient Bysantine culture, whose continued existence can be observed in Moscow, Kieff and everywhere else. But is not this connection between Church and civilization on the surface only, asks professor Holl, and is it not, moreover, an impediment to the time progress of national life? Are not both the Church and the old civilization to fall together, as soon as Russia begins to share the modern life of progress? Or will it come to pass that in the present case religion will once more display such powers as will enable the Russian people to extract modern values out of its own inner being?

In Russia, the Orthodox Church, answers professor Holl, accomplishes the task of civilization within the boundary of the state and with the help of the state. The Church helps the state and places at its disposal powers which help its further growth. The German theologian states, that the Church creates above all the soil, from which springs the very achievement of civilization, namely it creates the actual unity of the nation. The

му развитію. Церковь создаетъ, по заявленію нѣмецкаго ученаго богослова, прежде всего ту почву, на которой возникаетъ каждая культурная работа, а именно: настоящую общность народа. Государство съ его принудительными мѣрами не было бы никогда въ силахъ примирить внутренно другъ съ другомъ многочисленные народы, населяющіе Россію, если бы православная церковь не оказала ему свое содѣйствіе въ этомъ, сообщивъ имъ духовную общность. Насколько было велико участіе ея въ дѣлѣ созданія народнаго единства, объ этомъ многократно свидѣлствуетъ русская исторія, въ особенности же эпоха татарскаго господства, когда государство было разрушено и только одна церковь соединяла народъ вмѣстѣ. Проф. Холль задается при этомъ вопросомъ о томъ, возможно ли было бы вообще управлять столь неслышанно разросшимся государствомъ безъ личности этой духовной связи, соединяющей воедино народы, живущіе въ большомъ отдаленіи другъ отъ друга и стоящіе на низкой ступени культурнаго развитія. Церковь создаетъ сначала, по словамъ проф. Холля, то теплое чувство къ цѣлому, которое является предварительнымъ требованіемъ проявленія его въ цѣломъ. И это дѣлаетъ одна только церковь. Правда, церковь дѣйствуетъ не исключительно только духовными средствами, — оговаривается ученый, — она съ своей стороны не задумывается прибѣгать къ помощи государства, когда видитъ гдѣ-либо угрозу своему положенію. Но свои завоеванія русская церковь не совершаетъ этимъ способомъ. Ея дальнѣйшему успѣху всегда способствуетъ скорѣе то нравственное давленіе, которое производится послѣдователями оной. У русскаго человѣка народное и религіозное чувство настолько объединились между собою, что онъ уважаетъ только тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые исповѣдуютъ православіе. Въ этомъ заключается та сильная воля, благодаря которой русскій народъ сохраняетъ свою собственную народность среди народовъ. сто-

state with its measures of compulsion could never succeed in bringing to an interior reconciliation the numerous races, which ingled with Islam, there roused and increased in the people the sense of its being a chosen people. The struggle for the further exist-habit Russia, if the Orthodox Church did not help it in this by imparting to them all the sense of spiritual union between them. The history of Russia repeatedly demonstrates how great was the part the Church took in creating national unity; especially during the Tartar invasion, when the state was destroyed, and the Church alone was able to unite the nation together. Professor Holl even questions whether it would be possible at all to govern such a widely spread country if the consciousness of this spiritual unity were not ever present, uniting peoples who live at enormous distances from each other and whose civilization is but of lowly grade. It is the Church which first creates the warm devotion to the whole, the manifestation of which this whole subsequently begins to demand. This the Church alone can accomplish. It is true, concedes the German man of learning, that the Church does not use spiritual means only and that it does not hesitate to seek the support of the state, when its stability is threatened anywhere. But this is not the means it uses to accomplish its conquests. Its progress is always furthered rather by the moral pressure of its followers. In a Russian the national sense and the religious sense are so completely blended, that he honors only those of his fellow countrymen who belong to the Orthodox confession. This is the great power, owing to which the Russian people was able so far to preserve its nationality amongst other peoples who intellectually stand above it. Professor Holl's opinion is that the Russian Church does not fortify the national sense only, but also increases the impulse towards higher aspirations. It creates in the Russian peo-

ящихъ выше его духовно. По мнѣнію проф. Холля, русская церковь не только укрѣпляетъ народность, но также способствуетъ сильнѣйшему порыву къ высшимъ стремленіямъ. Она порождаетъ въ русскомъ народѣ вѣру въ его собственное опредѣленіе и въ его великую будущность. Въ Византіи за время ужасной многовѣковой борьбы съ исламомъ въ народѣ возникло и укрѣпилось убѣжденіе въ его избранности. Борьба за продолженіе существованія государства въ то же самое время была и борьбой за вѣру. Убѣжденіе въ Божіей избранности въ русскомъ народѣ пустило еще болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ Византіи. Русскій народъ называетъ свою страну «святой Русью», и это выраженіе имѣетъ болѣе серьезный смыслъ, чѣмъ у другого новаго народа, называющаго свою родную землю святой землей. Страна — свята, потому что на ней живетъ православный, излюбленный Богомъ народъ. Насмѣхающійся надъ этимъ убѣжденіемъ обнаруживаетъ только свое плохое пониманіе историческихъ силъ. Ни одинъ народъ никогда не преуспѣвалъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи безъ подобнаго рода самосознанія и безъ извѣстной доли преувеличенія своихъ достоинствъ. И именно религиозныя основы даютъ народу несравнимыя ни съ чѣмъ силы сопротивленія противъ нападений извнѣ, въ чемъ убѣдились всѣ враги Россіи, вступившіе на русскую почву, включая Наполеона. Въ этомъ самосознаніи и самовосхваленіи заключается также и наилучшая вѣра народа въ его право на дальнѣйшій ростъ и развитіе. Для избраннаго народа міровое господство не является еще слишкомъ высокой цѣлью. Могучія стремленія Россіи къ расширенію своихъ земельныхъ владѣній соотвѣтствуютъ тѣмъ представленіямъ, которыя самъ русскій народъ составилъ себѣ о своемъ назначеніи въ исторіи.

Та же самая религиозная вѣра помогаетъ русскому народу, по словамъ проф. Холля, когда онъ сравниваетъ свои собственныя дѣянія въ области образованія съ таковыми же

ple a steady faith in its own destination and its great future. In the dreadful long centuries during which Bysantium struggle of the state was also a struggle for the faith. In the Russian nation the sense of its being the chosen of God is still stronger than in Bysantium. The Russian masses give to their country the name of "holy Russia", and this has a much more serious significance than the same name applied by some other new nation to its own native land. The country is holy because in its there lives an Orthodox people beloved of God. He who laughs at this conviction, merely shows his own insufficient understanding of historical powers. No nation ever prospered in its further growth without a similar sense or without a certain exaggeration of its own good qualities. And religion is exactly the basis which gives to a nation the incomparable strength for resisting all assault from the outside, which was well learned by all the enemies of Russia who ever invaded the Russian soil, Napoleon included. This idea of selfconsciousness and self-praise likewise contain the best justification for the people's belief in its right to further growth and development.

The mastery over the whole world is not too high an object for a chosen people. The mighty impulse of Russia towards the widening of its territorial possessions corresponds to the idea the Russian people has formed of its own destination in history.

Professor Holl thinks, that the Russian people finds its support in religious beliefs once more when comparing its own achievements in the region of education to those of other nations. In Russia people talk with same pride of the unspoiled condition of their own people as compared to the decayed culture of the West. This sense rests on the real consciousness of Divine predestination, which is akin to that of the early Christians when they said theirs was the re-

другихъ народовъ. Въ Россіи съ извѣстной гордостью противопоставляютъ ея неиспорченность гнилой культурѣ Запада. И это сознаніе покоится на настоящемъ чувствѣ божественнаго опредѣленія, на подобіе того, какъ христіанство первыхъ вѣковъ называло себя религіей варваровъ. Такое представленіе русскаго народа о своемъ назначеніи является вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, какую своеобразную роль занялъ онъ во всеобщемъ культурномъ движеніи. Русскій народъ во время своей молодости вросъ въ старую, состарившуюся культуру и, начавъ жить своей особой духовной жизнью, подвергся по очереди вліянію польской, германской, голландской и французской культуры. Чтобы сохранить свой собственный духовный обликъ при такомъ наплывѣ чужеродныхъ вліяній, онъ нуждался въ защитѣ. Религія и истекающее изъ нея чувство самосознанія оказались достаточно сильными, чтобы дать русскому народу эту необходимую ему поддержку. И онъ укрѣпили въ немъ увѣренность въ его собственныхъ силахъ и мужество идти собственнымъ путемъ. И дѣйствительно нужно признать, что вездѣ, гдѣ русскимъ удалось идти самостоятельно и найти свой собственный стиль, религія играла роль освободительницы.

Наконецъ, по словамъ проф. Холля, религія даетъ русскому народу душевныя силы, необходимыя ему для его дальнѣйшаго развитія.

Наряду съ вышеизложенными общими положеніями, проф. Холль обстоятельно охарактеризовалъ сущность православія, монашества, нравственно-религіозныя понятія и внутреннія переживанія русскаго народа и въ связи съ этимъ далъ яркое описаніе внѣшности русскаго православнаго храма и совершаемыхъ въ немъ богослуженій.

Русскій народъ, по утверженію профессора Холля, дѣйствительно любитъ свою церковь, онъ подчиняется ей не по принужденію, а вполне добровольно; церковь привле-

ligion of barbarians. This idea of the Russian people concerning its own destiny becomes quite intelligible if we consider the unique part it had to play in the universal progress of civilization. In its infancy the Russian nation was implanted in an ancient superannated culture, and, when endeavoring to lead its own spiritual life, it fell under the influence of the Polish, the German, the Dutch and the French civilizations one after the other. It needed protection, in order to preserve a spiritual individuality of its own in the midst of this great pressure of various alien influences. Religion and the consciousness of self which came from it proved strong enough to supply the Russian nation with the protection it needed. They strengthened the belief of the nation in its own power and the courage to tread a path of its own. And it must be acknowledged that whenever Russians succeeded in finding an independent way and a style of their own, it was religion every time that gave them their freedom.

Lastly, in the words of professor Holl, religion will supply the moral strength the Russian nation needs for its further development.

Side by side with the above mentioned general theses, professor Holl gave a detailed characteristic of the essence of Orthodoxy, its monasticism, the idea of its religious morality and the inner life of the Russian people; and in connection with all this he brilliantly described the exterior of a Russian Orthodox church and of the divine services which are performed in it.

Professor Holl maintains, that the Russian people really does love its Church, submitting to it not under compulsion, but of its own free will. The Church draws a Russian as a refuge, where he will find rest from all the storms and burdens of his existence, where he feels transported into a higher world, where he is surrounded by warmth,

каетъ русскаго человѣка къ себѣ, являясь для него убѣжищемъ, въ которомъ онъ находитъ себѣ успокоеніе отъ всѣхъ невзгодъ и тягостей существованія, гдѣ онъ чувствуетъ себя перенесеннымъ въ высшій міръ и охваченнымъ теплотой, нѣжностью, любовью. При посредствѣ церкви въ монотонное, сѣрое, существованіе русскаго народа приходитъ нѣчто радостное, нѣчто праздничное. Русскіе же церковные праздники прямо срослись съ душой народа.

Церковь, по словамъ нѣмецкаго богослова, объединяя русскій народъ въ одно цѣлое, сообщаетъ ему чувство единства людей между собою, и обычныя обращенія — *братецъ*, *батюшка* — не являются у русскихъ только простыми словами. Подъ вліяніемъ христіанскаго вѣроученія природное добродушіе русскаго человѣка еще болѣе увеличилось и углубилось. Всѣми христіанскими церквами признано, что благотворительность нигдѣ не совершается такъ свободно и какъ само собой понятная обязанность, какъ въ Россіи, въ которой основное правило древняго христіанства и помощи ближнему сохранилось во всей его силѣ.

Русская церковь унаслѣдовала, по свидѣтельству проф. Холля, отъ греческой христіанской церкви старую и прекрасную черту благодарности Богу за даръ Божій, каковая не проявляется столь сильно и ярко, можетъ быть, ни въ одной изъ христіанскихъ церквей, какъ въ русской православной.

Лекція профессора Холля произвела на его многочисленныхъ слушателей очень сильное и глубокое впечатлѣніе и пролила на православіе и вообще на нравственно-религіозное міровоззрѣніе русскаго народа новый болѣе истинный свѣтъ.

Н. Арефьевъ.

tenderness and love. Through the medium of the Church something joyful, something festive penetrates into the monotonous greish life of the Russian masses. As to the Russian Church holidays they have simply become part and parcel with the soul of the people.

In the words of the German theologian, the Church unites the Russian nation into a single whole, imparting to it the sense of the connection between all men, and the common way of addressing each other as *brother* or *father* does not mean mere words among Russians. Under the influence of the Christian doctrine, the inborn good nature of Russians has grown still more in scope and depth. All the Christian Churches acknowledge, that nowhere more than in Russia is charity practiced as a free duty which goes without saying, for in that country the fundamental rule of ancient Christianity and of succouring one's neighbour was preserved in all its strength.

Professor Holl testifies, that the Russian Church has inherited from the Greek Christian Church the ancient beautiful characteristic of gratitude to God for His gifts; and that, perhaps, in no other Christian Church is this characteristic as manifest as in the Russian Orthodox.

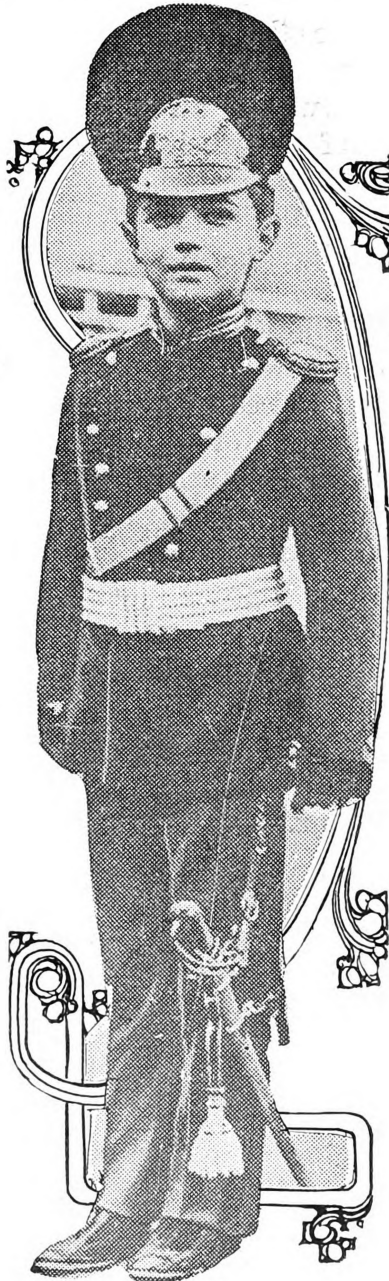
The address of professor Holl made a very strong and profound impression and placed Orthodoxy and the ideas of religious morality among the Russian people in general into a newer and truer light.

N. Arefieff.

Печальныя вѣсти.

Нѣсколько дней тому назадъ американская пресса разнесла вѣсть о болѣзни Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича. Такъ часто америк. газеты смущаютъ доброе сердце русскихъ людей подобными новостя-

Русскій Наслѣдникъ
Вел. Князь Алексій Николаевичъ.

ми, и такъ часто, къ счастью, оказывались онѣ сочинительствомъ, что хотѣлось и на сей разъ надѣяться, что послѣдуетъ опроверженіе, хотѣлось вѣрить, что это выдумка досужихъ «доброжелателей» Россіи.

Увы! Наслѣдникъ Цесаревичъ дѣйствительно боленъ! И заболѣлъ серьезно, какъ видно изъ бюллетеней о быстромъ повышеніи температуры, о вызовѣ къ одру болящаго лучшихъ врачей...

Господи, какъ грустно! Еще недавно возвратившіеся въ Америку наши отцы-миссіонеры рассказывали, какой любовной нѣжностью окружаетъ своего «надежу» Наслѣдника русскій народъ, съ какой счастливой улыбкой простаиваютъ предъ портретами его простые русскіе люди, обмѣниваясь восклицаніями: «гордость ты наша, счастье ты наше! Красавчикъ ты нашъ, храни тебя Господи!».

Разсѣй же, Господи, лютую болѣзнь эту! Подними со одра Отрока царственнаго!

12 Октября отъ нашего Владыки Высокопреосвященнѣйшаго Платона, возвращавшагося изъ Спалы послѣ представленія Его Императорскому Величеству Государю Императору, Преосвящ. Александръ получилъ cableграмму:

«Молитесь о здравіи Наслѣдника Цесаревича».

Скорбью и тревогой наполнилъ сердца русскихъ этотъ Владычній призывъ. И на утро торжественная литургія съ молебнымъ пѣніемъ совершена была въ кафедр. соборѣ Преосвященнѣйшимъ Александромъ съ сонмомъ духовенства, и къ одру недугующаго Царственнаго Отрока послана была сердечная телеграмма о томъ, что вся Русь Американская возсылаетъ единодушныя горячія молитвы о его выздоровленіи къ Престолу Всевышняго Царя Царей.

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Николай.

Къ XXV-лѣтнему юбилею служенія Высокопреосвященнѣйшаго Николая, Архіепископа Варшавскаго, бывшаго Алеутскаго и Аляскинскаго, память о апостольскихъ трудахъ котораго неизгладимо живетъ въ сердцѣ Американской Церкви, коей онъ отдалъ семь лѣтъ самоотверженнаго святительскаго служенія, содѣлавъ имя свое въ лѣтописяхъ Американской Церкви на вѣки священнымъ и незабвеннымъ, какъ имя высоко-ревностнаго Архипастыря, обновителя Миссіи Аляскинской, насадителя православія въ Штатахъ и Канадѣ, воззвателя къ правдѣ вѣрѣ заблудшихъ униатовъ, устроителя Миссіонерскихъ школъ, печальника о матеріаль-

номъ достаткѣ Миссіи, Покровителя и основателя Православнаго Общества Взаимопомощи, основателя православнаго издательства—«Америк. Православнаго Вѣстника» и «Свѣта», вдохновеннаго златоустаго проповѣдника, всегда бодрого, всегда неутомимаго, въ лицѣ коего милость и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызастѣся, —

Благодарная Американская Церковь изъ глубины сердце возглашаетъ дорогому Архипастырю Юбилару:

«Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ Твой предъ челоуѣки еще многіе, многіе годы! Ис полла эти Деспота!»

„Свидѣтельство предъ внѣшними“.

Не мало благородныхъ усилій было сдѣлано Владыкой Платономъ для еще большаго утвержденія достоинства Россіи, ея господствующей Церкви, ея правительства въ глазахъ образованнаго американскаго общества.

Мнѣ во-вѣки не забыть той ночи, когда въ роскошной и ослѣзительно освѣщенной залѣ церковнаго клуба Филадельфійскихъ Епископаловъ передъ тысячнымъ собраніемъ ученыхъ богослововъ, профессоровъ, редакторовъ, священниковъ, епископовъ и архіепископовъ Владыка Платонъ прочелъ свою знаменитую лекцію по животрепещущему для нихъ вопросу о соединеніи Церкви Епископальной съ Церковью Православной.

Какъ извѣстно, Церковь Епископальная образовалась путемъ выдѣленія чады ея изъ Церкви Римо-Католической подъ вліяніемъ протестантскихъ идей. Отъ Рима она отстала, но и къ чистому протестантству не пристала и, какъ лишенная устойчивости, стала уменьшаться въ своихъ членахъ. Жившіе преимущественно сердцемъ уходили въ римо-католицизмъ, гдѣ для сердца было гораздо больше пищи, а жившіе разсудкомъ—въ протестантизмъ, гдѣ для разсудка было больше простора. Чтобы не исчезнуть, Епископальной Церкви необходимо было опереться на одну изъ существующихъ могущественныхъ Церквей съ апостольскими установленіями. Такихъ Церквей было всего двѣ—Православная и Римо-Католическая. Послѣдняя епископаламъ была ближе, къ ней они прежде всего и обратились съ проектомъ соединенія. Какъ и слѣдовало ожидать, она отказалась признать законными ихъ посвященія и вмѣсто соединенія предложила имъ присоединеніе въ смыслѣ полнаго подчиненія ей. Тогда они вспомнили о Церкви Православной. за-

вели и съ ней переговоры. Но такъ какъ на первый планъ они выдвинули вопросъ объ ихъ посвященіяхъ и признаніе законности этихъ посвященій поставили чуть ли не единственнымъ условіемъ соединенія и такъ какъ въ то же время съ задняго крыльца продолжали навѣдываться и къ римо-католикамъ, то стало яснымъ, что не на православную Церковь въ концѣ концовъ они думаютъ опереться, не соединенія съ нею они жаждутъ. Жаждутъ они только признанія ея законности ихъ посвященій, послѣ чего снова полѣзутъ къ римо-католикамъ, но уже съ передняго крыльца и въ полной увѣренности, что тѣ свои требованія понизятъ и желанное соединеніе состоится. А православнымъ въ благодарность за оказанную услугу предложить воспользоваться собою, какъ мостомъ, для соединенія съ римо-католицизмомъ и великая идея соединенія всѣхъ Церквей осуществится.

Не думайте, что этотъ планъ—наше ни на чемъ не основанное измышленіе. Намеки на него то въ интимныхъ разговорахъ епископаловъ, то въ печати уже не разъ проскальзывали, значить—онъ фактъ.

Епископалы правильно полагали, что какъ представитель цѣлой Помѣстной Церкви, Владыка Платонъ не можетъ принадлежать къ разряду тѣхъ, кто жаждетъ соединенія Церквей во что бы то ни стало, путемъ всевозможныхъ уступокъ, только бы прекратить ту вражду, которую раздѣленіе порождаетъ и которая страшно вредитъ ихъ общей миссіи—возвышать человѣчество, а вообще — угнетаетъ искренно вѣрующаго человѣка. Но они совершенно выпустили изъ виду, что, какъ выдающійся богословъ, онъ не только возвысится надъ этой враждой, но и посмотритъ въ глубину самаго корня, что онъ учтетъ все: и тысячелѣтнія усилія милліоновъ людей, которыя были ими израсходованы на всестороннее и глубокое уясненіе великихъ истинъ Православія, и героическую защиту ихъ нерѣдко цѣною своей жизни, и тѣ вышнія по сравненію съ аналогичными явленіями

ми другихъ религій его проявленія, какъ результатъ бережнаго храненія этихъ истинъ.

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ епископалы себя ободряли? Вѣроятно же всего, тѣмъ, что къ Владыкѣ и его пасомымъ они всегда были весьма предупредительны. Гдѣ эти пасомые не имѣли своихъ церквей, тамъ они имъ предлагали въ безвозмездное пользованіе свои, а это онъ, окруженный врагами, долженъ былъ оцѣнить. И потомъ—въ частныхъ бесѣдахъ съ ними онъ не разъ соглашался, что у нихъ съ православными — дѣйствительно — есть точки соприкосновенія. Не можетъ быть, чтобы послѣ всего этого его отвѣтъ, да еще публичный оказался неблагоприятнымъ для нихъ. Долженъ же онъ понять, что не для того они его сюда пригласили. Нѣтъ, его отвѣтъ будетъ любезнымъ открытіемъ передъ ними дверей и они, въ чемъ ихъ застали, съ достоинствомъ войдутъ черезъ эти двери...

И спокойно они устались на Владыку.

Въ высококомъ черномъ клобукѣ и въ черной рясѣ, страшно похожій на восточнаго библейскаго мудреца, стоялъ онъ передъ ними въ полумракѣ алтарной ниши, молча выжидая, пока они усядутся и наступитъ тишина. А на его прекрасномъ лицѣ они уже съ смущеніемъ прочли то же, что уже слышали отъ римокатоликовъ, и почувствовали, что въ благодарность за дружескую, но непрощенную услугу онъ не сможетъ поступиться даже крупицей той истины, которой обладаетъ и которая сообщаетъ ему величавое спокойствіе мудреца, что онъ скорѣе откажется отъ ихъ услугъ и останется въ борьбѣ съ врагами одинокимъ, а истинѣ не измѣнить.

Да, въ эту ночь, вмѣсто любезныхъ, но уклончивыхъ отвѣтовъ, которыми представители Православной Церкви въ теченіе многихъ лѣтъ деликатно отдѣлывались отъ епископаловъ, — впервые со свойственной нашему Владыкѣ рѣшительностью и прямою епископаламъ данъ былъ, да еще и публично определенный отвѣтъ. Увы, какъ ни высока идея соединенія Церквей, но ради нея Пра-

вославная Церковь, какъ владѣющая всей полнотою религіозной истины, не пойдетъ ни на какія уступки и, если епископалы искренно желаютъ соединенія съ нею, то для этого есть одинъ только удобопріемлемый путь — это присоединеніе ихъ къ ней.

Да и могъ ли быть инымъ отвѣтъ, не говоря святителя, но просто человѣка честнаго и прямого, владѣющаго настоящимъ алмазомъ, людямъ, у которыхъ вмѣсто алмаза алмазъ поддѣльный и они это уже замѣтили, но потому только, что къ нему привыкли, съ нимъ сроднились, пытаются себя увѣрить, что онъ настоящій, во всякомъ случаѣ очень близкій къ настоящему и могущій сойти за него, и просить обладателя настоящаго алмаза оказать имъ божескую милость—согласиться съ ними... Зачѣмъ—когда онъ предлагаетъ имъ свой настоящій и тѣмъ избавляетъ ихъ и себя отъ необходимости обманывать?

Лекція Владыки не была сухимъ богословскимъ трактатомъ. Нѣтъ, это было вдохновенно-смѣлое исповѣданіе истинности только православной религіи, соединенное съ безпощадной критикой тѣхъ христіанскихъ религій, которыя претендуютъ тоже на эту истинность. И наконецъ—это было нѣчто большее: это была неподобная апологія всей нашей постоянно здѣсь унижаемой и оскорбляемой родины, какое-то экстаическое исповѣданіе вѣры въ ея великую историческую миссію, вѣры, основанной на исключительныхъ духовныхъ радованіяхъ ея сыновъ. Стоитъ хоть немного познакомиться съ ея литературой и искусствами и американцы убѣдятся, что русскій народъ—не варваръ и не хулиганъ, какъ это успѣли внушить имъ завладѣвшіе и ихъ прессой евреи, но великая міровая сила, идущая уже и теперь съ факеломъ въ рукѣ впереди изумленного и восхищеннаго ею человѣчества.

И что же? Едва лекція окончилась, вмѣсто гробового молчанія вдругъ раздались оглушительные и долго несмолкавшіе аплодисменты. Потомъ Владыку окружили и, пожимая

ему руку, говорили: «Вотъ это хорошо: прямо и открыто. Давно бы такъ!» И одни изъ епископаловъ просили дать имъ для ихъ распространенныхъ журналовъ лекцію, другіе — прочесть и въ ихъ городахъ, напр. въ Чикаго, лекціи на другія, не менѣе животрепещущія темы. Да и много послѣ того вечера мнѣ не разъ доводилось встрѣчать многихъ изъ нихъ на аудіенціи у нашего Владыки Платона.

Но по церковному ли только вопросу Владыка Платонъ высказался публично со всею присущею ему рѣшительностью и прямою и съ благороднымъ достоинствомъ уважающаго себя и свою дорогую родину русскаго человѣка?

Когда разыгралась темная Ленская трагедія и евреи подняли въ здѣшней прессѣ страшный гевалтъ противъ ненавистнаго имъ русскаго правительства и когда сбитое этимъ гевалтомъ американское общество стало выражать свое удивленіе и негодованіе, — чей мужественный голосъ одиноко зазвучалъ въ печати въ защиту русскаго правительства, этого бѣднаго Макара, на котораго теперь всѣ шишки валятся? И кто указалъ этому обществу на тѣ бревна въ глазу американскаго правительства, которыхъ оно почему то не замѣчаетъ? Сѣверо-Американскій Архіепископъ Платонъ.

Такъ вотъ какого рода благородныя усилія были сдѣланы Владыкой Платономъ для еще большаго утвержденія здѣсь достоинства дорогой нашей Родины, ея господствующей Православной Церкви и ея правительства въ глазахъ образованнаго американскаго общества.

Свящ. Ѳ. Букетовъ.

„Достойный Епископъ и общественный дѣятель“.

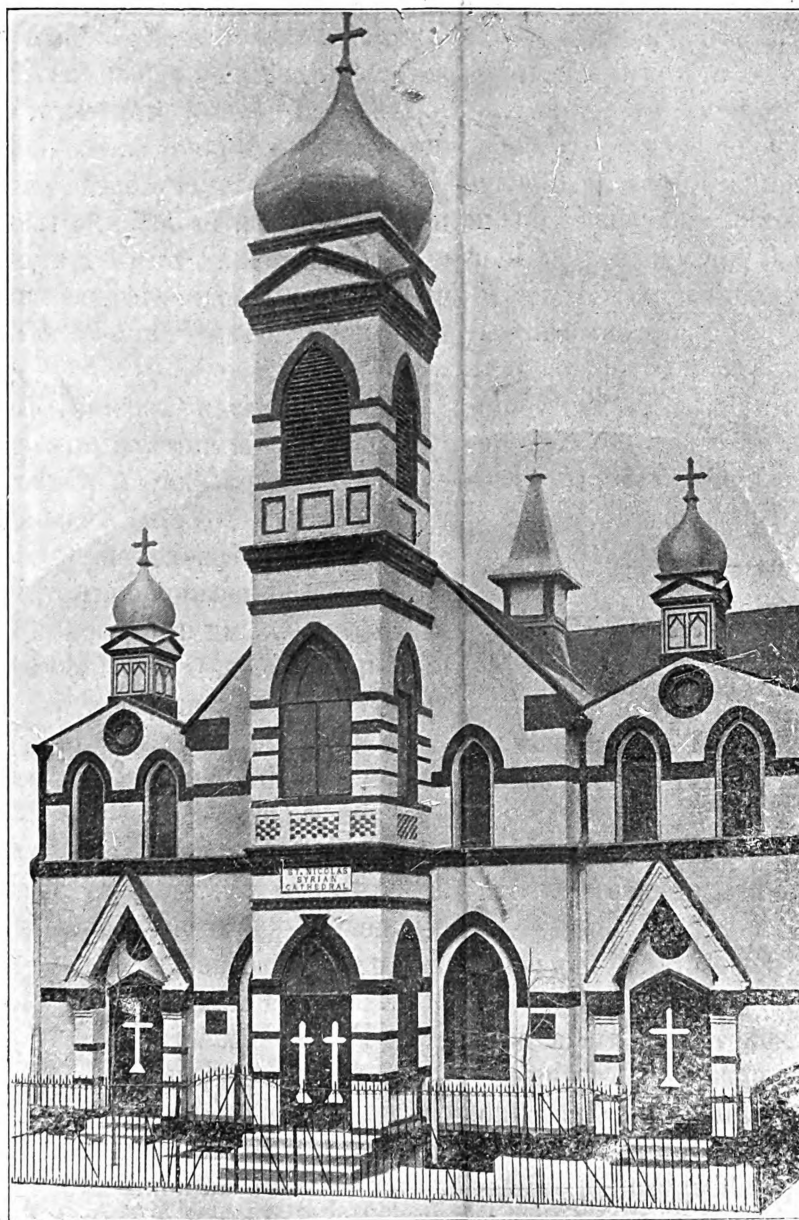
Подъ такимъ заголовкомъ въ одной изъ распространенныхъ ежедневныхъ Бруклинскихъ газетъ появилась статья епископальнаго священника Т. Ж. Ласей, посвященная личности преосвященнаго Рафаила, епископа Бруклинскаго. Православный читатель не безъ духовнаго утѣшенія прочитаетъ отзывъ автора, свидѣтельствующій о томъ уваженіи, какимъ дѣйствительно пользуется нашъ Владыка Рафаиль въ средѣ не только ближайшей его паствы сиро-арабской, и не только единовѣрной ему паствы русскою православной, но и въ средѣ инославныхъ американцевъ.

«Прохожій не можетъ не замѣтить, пишеть между прочимъ Rev. Ласей, бросающагося въ глаза сирійскаго кафедральнаго собора съ его голубымъ куполомъ и увѣнчанными крестами башенками, на улицѣ Пасификъ. Это и есть центръ Сирійской Греко-Православной Церкви въ С. Америкѣ. Я помню хорошо скромное начало ея лѣтъ десять тому назадъ. Только недавно зданіе это увеличено до нынѣшнихъ внушительныхъ размѣровъ. За развитіемъ его я слѣдилъ съ глубокимъ интересомъ: началась эта церковь съ малаго, а въ десять лѣтъ возрасла въ жизненный приходъ, насчитывающій свыше 2000 душъ, и расширеніе храма — очевидный показатель того, что церковь идетъ на встрѣчу нуждамъ богомольцевъ.

«Глава Сирійской православной греческой Церкви въ С. Америкѣ — епископъ Рафаиль. Это рѣдкій человѣкъ. Живя въ скромномъ помѣщеніи напротивъ церкви, онъ напоминаетъ намъ св. Павла, съ его скромнымъ помѣщеніемъ въ древнемъ Римѣ, принимая всѣхъ приходящихъ къ нему. Еп. Рафаиль всецѣло посвятилъ себя служенію своей паствѣ. Онъ — жизненная сила на благо сирійской общи-

ны. Уроженецъ Дамаска, человекъ глубокаго богословскаго образованія, владѣющій нѣсколькими языками, онъ лучше всѣхъ пости-

да. Онъ носитъ тяготы своей паствы, устраняетъ ихъ затрудненія, совѣтуетъ, помогаетъ, ободряетъ, словомъ является отцомъ для всей

Сиро-Арабскій кафедр. Соборъ въ Бруклинѣ.

гаетъ нужды своего народа. Богослуженіе совершается по арабски, но самъ онъ говоритъ и пишетъ по арабски, по гречески, по турецки, по русски, по французски, по англійски и пр. Всѣ его знанія—къ услугамъ его общины. Врядъ ли мы сумѣемъ даже оцѣнить, что все это значить для иностранцевъ, заброшенныхъ въ чужой край, часто бѣдныхъ, незнающихъ чужаго языка и пр. Ихъ прибѣжище и помощь — въ ихъ епископѣ.

Его терпѣніе неисчерпаемо. Онъ одинъ изъ наисимпатичнѣйшихъ людей, онъ — душа гостепріимности. Бодрый, хорошо осведомленный о событіяхъ дня, свободно владѣющій англійскимъ языкомъ—еп. Рафаиль пріятнѣйшій собесѣдникъ, и его общества часто ищутъ пасторы и міряне и другихъ исповѣданій, привлекаемые къ нему его удивительной личностью и преклоненіемъ предъ работой его какъ общественнаго дѣятеля. Заслуги его не ограничиваются вѣроисповѣдными предѣлами. Я считаю преосвящ. Рафаила однимъ изъ наиболѣе выдающихся людей въ нашемъ городѣ, достойнымъ прелатомъ, выдающимся ученымъ, самоотверженнымъ христіаниномъ, другомъ бѣдныхъ и общественнымъ дѣятелемъ въ средѣ его соотечественниковъ, — человѣкомъ, которымъ можетъ гордиться нашъ Бруклинъ».

«О»

Война на Балканахъ.

Ура! Ура!

Амер. «Свѣтъ» и «Русскій Эмигрантъ» горячо, съ энтузіазмомъ, привѣтствуютъ войну.

На бой!

«Ангель побѣды распростеръ свои крылья надъ доблестнымъ воинствомъ славянскимъ»...

«О, ангель побѣды! Не отступай отъ побѣдоноснаго войска!»

Долой уныніе! Долой томительныя ожиданія, тоскливые разговоры, долой губительныя откладыванія, высчитыванія!... Впередь!

Привѣтъ вамъ, Славяне-мученики! Привѣтъ вамъ, борцы за свободу родной земли!

И невольно, сознанию православнаго человѣка уже предносится чудный мигъ, котораго ждалъ міръ христіанскій столѣтія! Сколько крови пролито, сколько жизней положено... Ужели и теперь не засіяетъ крестъ на св. Софіи, обезчещенной турками!

Шипѣло и изощрялось въ «скептицизмъ»

человѣческое «благоразуміе»... Одряхлѣлъ духъ, поблекло чувство, и мертвыя чернила готовы были затопить благородное одушевленіе героевъ, залить кровь ихъ, вырвать изъ рукъ ихъ славный мечъ, несущій свободу братьямъ славянамъ, разбивающій кандалы, которыми поганые турки связали Славію...

Грянулъ первый выстрѣлъ честныхъ черногорцевъ, и вмигъ далеко-далеко отлетѣли разглагольствованія о вредности войны, о ненужномъ пролитіи крови, о тысячахъ напрасныхъ смертей... Самъ душою съ ними на войнѣ, самъ сердцемъ своимъ тамъ, самъ всѣмъ существомъ кричишь громогласное «ура! ура!»

Живели, братья Славяне! Живіо!

Живой рѣкой потекли въ родные края тысячи америк. славянъ и грековъ по первому призыву своей родины. Кидають они здѣсь и свои дома, и свои семьи, и свои заработки. Цѣлые корабли заполнены этими мужественными достойными своей земли героями. Богъ въ помощь вамъ, братья! Во вѣки вѣковъ не умретъ вашъ подвигъ!

То тамъ, то здѣсь въ Нью Йоркѣ видишь цѣлыя группы этихъ добровольцевъ. Вотъ веселые, бодрые стоятъ они, — рады, что ѣдутъ. А рядомъ иной, — богатырь косая сажень въ плечахъ, десять турокъ на руку возьметъ, — чуть не плачетъ: средствъ океанъ переплыть не хватаетъ! Изъ далекой Монтаны пришелъ даже «попъ» черногорскій. Ростъ—красота. Сила—Илья Муромецъ. Грудь въ орденахъ. Еще въ войну прежнюю русско-турецкую воевалъ... Загорѣлось ретивое. «Два сына въ войскѣ, чего тутъ сидѣть въ Америкѣ буду? Пушку въ руки, еще другимъ дорогу покажу, молодыхъ поучу какъ съ туркомъ справляться надо»...

Взмолился даже нашъ о. іеродіаконъ Теодоръ, герой—кавалеръ Георгіевскій за минувшую кампанію: «Пустите и меня, коли русскіе въ бой пойдутъ!»...

А славяне все на Русь оглядываются: поддержишь ли насъ, сестрица старшая?...

Накъ Американцы отнеслись къ войнѣ.

Еще когда гроза военная только нависала въ воздухѣ, довелось намъ получить нѣсколько писемъ отъ американцевъ разныхъ профессій и положеній, съ выраженіемъ ихъ восторга, что наконецъ то осуществится пораженіе полумѣсяца мусульманскаго Христіанскимъ крестомъ! Изъ личныхъ бесѣдъ съ американцами, я тоже убѣждался, что симпатіи ихъ на сторонѣ маленькихъ угнетаемыхъ Турціей народовъ. А еще нѣкоторые выражали прямую надежду, что Россія приметъ участіе въ этой войнѣ...

Казалось бы, американцамъ и думать иначе не пристало. Но вотъ, объявлена война, и вдругъ дѣвицы мѣстнаго Нью-Йоркскаго университета возжелали идти въ сестры милосердія къ... туркамъ! А въ газетѣ «Н. І. Таймсъ» помѣщено удивительное по своему... цинизму заявленіе нѣкоего В. М. Слоана, америк. профессора, поѣхавшаго недавно въ Берлинъ украшать тамъ кафедру Рувельта.

«Америка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть случайнымъ наблюдателемъ ножара на Балканахъ», заявилъ онъ. «Правда, мнѣ извѣстно, что Берлинскій корреспондентъ Нью-Йоркской газеты получилъ каблеграмму отъ своего редактора такую: «Поменьше вѣстей о войнѣ. Теперь идетъ серія игры въ baseball», и постороннему это могло бы дать мысль будто у американцевъ интересъ къ событіямъ нынѣ разыгрывающимся на Балканахъ отсутствуетъ. Между тѣмъ, это было бы совершенно неправильнымъ заключеніемъ.

«Мы очень реально заинтересованы на Ближнемъ Востокѣ. Онъ былъ въ теченіи десятилѣтій ареной для очень ревностной и успѣшной дѣятельности американскихъ миссіонерскихъ кампаній.

«Какъ ни странно, Америка, съ точки зрѣнія христіанской, имѣетъ больше выгоды отъ продолженія турецкаго режима на востокѣ,

чѣмъ отъ распространенія вліянія греко-католической Церкви на Балканахъ. У меня вполне определенное впечатлѣніе, что если Балканскія земли попадутъ еще больше въ руки ихъ собственнаго населенія, и подъ контроль Греческой Церкви, то иностранныя миссіонерскія антрепризы въ тѣхъ областяхъ потерпятъ фатальный ущербъ.

«Онъ такъ же потерпятъ, какъ терпятъ онъ теперь въ Россіи. Исламъ есть воплощенная терпимость по сравнению съ тѣмъ, чего можно ожидать, если его вліяніе смѣнится вліяніемъ греческой Церкви.

«Американскіе дѣловые интересы также не особенно милостиво взираютъ на распространеніе славянскаго владычества на ближнемъ Востокѣ. Говорятъ, что нашимъ торговцамъ и промышленникамъ чрезвычайно тяжело добывать надлежащее покровительство отъ Балканскихъ правительствъ и потому какое бы то ни было возрастаніе ихъ престижа или власти не можетъ быть разсматриваемо нашимъ «бизнесовымъ» міромъ благовоительно.

«Хотя, т. о., и съ сентиментальной и съ дѣловой стороны Америка могла бы желать только сохраненія Турціи, нельзя однако закрыть факта, что условія въ Македоніи невыразимо ужасны, и что нибудь да должно быть сдѣлано тамъ! Страна создана быть раемъ, а обращена въ пустыни. Положеніе христіанскаго населенія никогда не было такимъ ужаснымъ, какъ при младо-туркамъ (Вотъ тебѣ и разъ!)

«Я скорѣе склоняюсь къ взгляду, что если бы христіанскій губернаторъ могъ быть поставленъ въ Македоніи (*Не американецъ ли? Этакъ, къ примѣру—баптистъ, или пресвитеріанинъ, или методистъ?..*), какъ въ Сиріи, большой шагъ по направленію къ челоуѣчному режиму былъ бы сдѣланъ. Если, однако, Балканскія государства постепенно успѣютъ въ достиженіи своего господства надъ землями нынѣ принадлежащими туркамъ, то я могу предвидѣть осложненія, въ

которыхъ Соедин. Штаты должны будутъ показать свою руку. *(Ещебы! Чужими руками жаръ загребать? Недурно, сэръ!)*

«Правильно, или неправильно, но наше правительство по прежде бывшимъ примѣрамъ и обычаямъ, съ несомнѣнностью обрекло себя на политику покровительства америк. миссіонеровъ въ осуществленіи ихъ дѣятельности за границей. (Не цинизмъ ли? Фу, какая гадость! И это смѣетъ утверждать профессоръ американскій! Кому же теперь вѣрить?) Такая дѣятельность несомнѣнно встрѣтитъ препятствія, если авторитетъ греческой Церкви распространится на Македонію, Албанію, или другія территоріи, на которыя рассчитываютъ Болгарія, Сербія и Черногорія.

«Имя это въ виду, было бы конечно ошибкой утверждать, будто наши «интересы на Балканахъ—интересы безразличнаго наблюдателя»...

Эхъ, дѣдушка Крыловъ, зачѣмъ ты такъ рано умеръ?

—«о»—

Кто устоитъ?

Первый вызовъ брошенъ былъ грозной когда-то Турціи маленькой Черногоріей. Она первая объявила туркамъ войну. И кто знаетъ, быть можетъ только благодаря этой стремительности, которая показала иную дерзкой и смѣшной, не произошло опять того глумленія надъ священными чувствами и благородными стремленіями Балканскихъ народовъ, какое уже готовы были обрушить великія державы на славянъ-героевъ. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ «Новомъ Времени»:

«Газеты пестрѣли извѣстіями. Послы совѣщались. Установлено единство во взглядахъ. Достигнуто полное соглашеніе представителей державъ. Премьеры вѣщали: не

потеряна еще вполнѣ надежда... Сообщаютъ и подробности: укрощать Турцію будетъ весь европейскій синклитъ, а Болгарію, Сербію, Черногорію и Грецію — Россія съ Австріей... Это все въ «кабинетахъ». А въ «жизни»? Балканскія славянскія государства и Греція, подъ давленіемъ стихійныхъ силъ, мобилизовали свои войска.

Благодаря прекрасной военной организаціи, малой территоріи и подъему народнаго духа, мобилизаціи совершились въ полномъ порядкѣ, быстро. Черногорія объявила войну Турціи.

Не то въ Турціи. Обширность территоріи, разбросанность войскъ на границахъ Кавказа и Персіи, въ Аравіи, на границахъ Болгаріи, Сербіи, Греціи и Черногоріи, албанская и македонская смуты, отсутствіе путей сообщенія, неудовлетворительность военной организаціи и разруха во всѣхъ правительственныхъ органахъ — задерживаютъ турецкую мобилизацію. Такова картина боевой готовности сторонъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Не надо быть ученымъ стратегомъ, чтобы сдѣлать изъ этого положенія соотвѣтственные выводы. Быстрота и натискъ — вотъ единственный лозунгъ для христіанскихъ государствъ Европейской Турціи. Это единственный ключъ, единственный залогъ ихъ успѣха и выхода изъ сложившейся отчаянной обстановки. Но тутъ выступаетъ Европа и ея якобы «дружественные совѣты», а въ дѣйствительности всемѣрное и даже всестороннее давленіе, и при томъ только на балканскія христіанскія государства. Съ одной стороны настойчивыя и категоричныя представленія пословъ великихъ державъ, а съ другой — весьма реальныя дѣйствія: французскіе финансисты отказываютъ Болгаріи въ обѣщанномъ займѣ; не только Турція не пропускаетъ боевыхъ припасовъ въ Сербію, что объяснимо, но даже и австро-венгерская администрація не пропустила въ Сербію такихъ же припасовъ, направленныхъ изъ Франціи.

и въ то же время пропустила другіе, идущіе въ Турцію изъ Германіи! Сербіи рекомендуют не сосредоточивать своихъ войскъ на турецкой границѣ, тогда когда Турція уже выставила свои войска на сербской границѣ. Очевидно, что для Балканскаго полуострова въ Европѣ существуютъ два вѣса и двѣ мѣры.

А вотъ результаты: покуда Балканскія христіанскія арміи, подъ давленіемъ Европы, вполне готовы, — выжидаютъ, Турція энергично мобилизуется, и тотъ, хотя и вѣрный, но можетъ быть, единственный шансъ побѣды, который находится въ рукахъ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи, быстрота дѣйствій — готовъ исчезнуть. «Потеря времени смерти безвозвратной подобна». Турція, мобилизованная и снабженная всѣмъ необходимымъ для войны, явится не только неодолимой, но и при естественномъ, *въ то время* наступательномъ образѣ ея дѣйствій — грозной и жестокой. Турецкое населеніе Константинополя уже занялось битьемъ стеколъ въ болгарскомъ и греческомъ посольствахъ. Албанцы давно свирѣпствуютъ... Съ поразительной точностью повторяется то, что было давно, въ 1876 году.

Осенью 1876 года наша армія, мобилизованная и вполне готовая, сосредоточилась въ Бессарабіи. Оставалось только — начать. Но тутъ выступила Европа. Сперва константинопольскія конференціи, затѣмъ поѣздки дипломатовъ, соглашенія, установленіе единства взглядовъ и, наконецъ, когда все это оказалось пустыми словами, черезъ 6 мѣсяцевъ — война. Мы стояли готовые и, внимая благоразумнымъ совѣтамъ, ждали, Турція же, застигнутая въ сентябрѣ врасплохъ, тщательно готовилась. Войска стягивались отовсюду. Америка взяла на себя поставку боевыхъ огнестрѣльныхъ припасовъ для Турціи, заключила контракты; съ начала весны доставка этихъ припасовъ началась огромными партиями, два раза въ мѣсяць; тогда, когда Турція получила уже три первыя партии оружія, мы показали на Дунаѣ, и встрѣ-

тились съ турками, вполне изготавившимися.

Теперь повторяется старое, но вѣчно новое. Возвращаясь къ сказанному въ началѣ о «совмѣстныхъ воздѣйствіяхъ» державъ, невольно недоумѣваешь, и напрашивается вопросъ, что это: шутка или глумленіе? Одно «воздѣйствіе» — это мы съ Австріей; другое — вся Европа. Можетъ ли кто-либо въ Россіи, искренно и честно, не лукавя, говорить о совмѣстности дѣйствій Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ? Говорить такъ, когда все: чувства, взгляды, исторія и интересы — всяческіе, наши и нашей сосѣдки — совершенно противоположны! Можно ли говорить тоже о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ всей Европы, когда еще на дняхъ выдающійся представитель англійскаго общественнаго мнѣнія, «Times», посвятилъ сочувственныя строки турецкому правительству, когда англійская дипломатія стремится сохранить миръ по прежнему съ точки зрѣнія турецкихъ интересовъ и т. д. Когда Австрія относится къ этимъ интересамъ тоже благожелательно, не смущаясь нисколько тѣмъ, что творится въ Македоніи и Старой Сербіи, да и сама завела себѣ свою Македонію — Галицію. Германія не сказала еще своего слова, но вѣдь взгляды главы тройственнаго союза давно не секретъ. Будетъ ли Италія настойчиво и искренно говорить Турція: «миритесь съ Славянами, а освободившіяся ваши войска посылайте въ Африку — противъ меня»? Да вѣдь она пока и говорить съ Турціей не можетъ. Что же остается отъ этой «всей» Европы? Въ результатъ, отъ всего этого сумбура выигрываетъ только Турція; которая, подобно коту въ баснѣ Крылова, слушаетъ и свое дѣло дѣлаетъ, готовится, а затѣмъ и скушаетъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, доставивъ Европѣ возможность успокоиться, христіанскимъ балканскимъ государствамъ пожать плоды своей опрометчивости, а Россіи еще разъ удостовѣрить свое европейское миролюбіе.

Мы все что-то «выясняемъ» и все «согла-

паемся». Что тутъ выяснять, когда дѣло ясно! Мы не желаемъ войны, но мы, «великая держава», имѣемъ право и обязанность предлагать свое, требуя, чтобы другіе «соглашались» съ нами. «Миролюбіе» же, доведенное до слабости, до вѣчнаго «соглашенія» съ другими, приведетъ къ политическому небытію.

Да не будетъ этого!»

Е. Д. Р.

«0»

Епископъ Фондюлакскій Графтонъ.

Въ лицѣ недавно скончавшагося епископа Графтона Фондюлакского епископальная американская церковь понесла огромную утрату. Но не ради только его общихъ заслугъ церковныхъ въ ряду другихъ американскихъ епископовъ, а и потому, что епископъ Графтонъ при жизни сталъ въ самыя дружественныя личныя отношенія съ Русскою Церковью, мы считаемъ долгомъ посвятить этому выдающемуся человѣку нѣсколько воспоминаній и оживить въ памяти знавшихъ еп. Графтона его симпатичный образъ.

И прежде всего, предпосылаемъ дальнѣйшей замѣткѣ въ согласіи съ ожиданіемъ, выраженнымъ Преосвященнѣйшимъ Александромъ, краткій некрологъ еп. Графтона, помѣщенный въ № 38 Церковныхъ Синод. Вѣдомостей.

«0»

Памяти Епископа Графтона.

Епископальная церковь подѣлена на слишкомъ рѣзко разнствующія между собою фракціи, чтобы согласиться въ оцѣнкѣ почившаго ея прелата, епископа Графтона. Въ то время какъ представители т. н. высокой церкви въ лицѣ почившаго проводили въ могилу лучшаго своего руководителя и вдохновителя, — приверженцы болѣе широкихъ партій почти

безучастно отнеслись къ смерти еп. Графтона; въ то время какъ для первыхъ онъ всегда и во всемъ былъ persona grata, вторые не однажды позволяли себѣ иронизировать по поводу его особенной склонности къ ритуальности, которая не легко мирилась съ чисто протестантскими вѣяніями въ епископальной церкви.

По нашему убѣжденію, еп. Графтонъ имѣетъ свое видное мѣсто въ исторіи епископальной Церкви въ Америкѣ. Потеря его — замѣтная брешь въ рядахъ епископальной іерархіи, брешь, которую заполнить не такъ легко. Теперь, когда тенденціи къ каѳоличности привились сознанию очень многихъ членовъ епископ. церкви, личность и дѣятельность еп. Графтона какъ выразителя такой тенденціи, не выступаетъ такъ выпукло, какъ выступала лѣтъ 15 тому назадъ, когда еп. Графтонъ стоялъ въ этомъ отношеніи довольно одиноко и окружающая его атмосфера была отнюдь не такъ дружественна для сторонниковъ каѳоличнаго духа въ еп. Церкви, какъ нынѣ. Не трудно понять, что въ огромной степени еп. Графтону принадлежит переработка этого настроенія въ средѣ епископ. церкви. Многіе называли его «крайнимъ», но что онъ могъ противопоставить крайностямъ протестантизма иногда, какъ не крайность? Протестанствующіе епископалы подозрительно относились къ еп. Графтону. Я врядъ ли ошибусь, если скажу, что до самыхъ послѣднихъ дней жизни этого почтеннаго старика, многіе его единовѣрцы не могли разстаться съ опасеніемъ, что онъ свой «романизмъ» кончитъ поклономъ Риму и папѣ. И какъ ни рѣзко еп. Графтонъ выступалъ противъ Рима, его все заподозривали въ неискренности. На дѣлѣ же, еп. Графтонъ моральной опоры для себя искалъ не на западѣ, а на Востокѣ. Существованіе нашей правосл. русской Миссіи въ Соединенныхъ Штатахъ дало ему возможность завязать личныя сношенія съ православными русскими іерархами, отмѣченныя искреннимъ желаніемъ еп. Графтона, чтобы

объ Церкви Православная и Англиканская рука объ руку шли въ работѣ по воссоединенію Церкви Христовой. Въ памяти членовъ нашей Миссіи очень живо воспоминаніе о частыхъ посѣщеніяхъ еп. Графтономъ русскаго каедральнаго Собора и Высокопреосвященнѣйшаго Тихона, продолжительныя бесѣды, переписка, и т. д., и наконецъ дружественная поѣздка еп. Графтона въ Россію, гдѣ онъ нашель самый радушный приемъ, и откуда привезъ массу самыхъ лучшихъ впечатлѣній. Само собою разумѣется, поѣздка эта не могла остаться безрезультатной и направила любознательность русскихъ ученыхъ богослововъ на болѣе тщательное разсмотрѣніе ученія и практики епископальной церкви, вызвавъ отвѣтное оживленіе въ средѣ и епископаловъ, интересующихся Восточною Церковью. Въ нашемъ «Вѣстникѣ» въ свое время этому посвящено было немало статей.

Личныя вѣроисповѣдныя воззрѣнія еп. Графтона приближали его къ Православію настолько, что въ случаѣ желанія его формально присоединиться къ Восточной Церкви, врядъ ли встрѣтилась бы надобность въ переработкѣ его догматическихъ взглядовъ. По крайней мѣрѣ, самъ онъ неоднократно заявлялъ объ этомъ. Можно было даже выразить удивленіе, почему онъ не слѣдуетъ сдѣлаться членомъ Истинной Восточной Церкви и не оградить тѣмъ себя отъ огорченій наносимыхъ епископаламъ крайними воззрѣніями ихъ протестатскихъ членовъ? Почему онъ, вмѣстѣ съ преданными ему епископалами не подпишетъ исповѣданіе Вѣры, которое бы ввело его въ общеніе съ Св. Православной Церковью? Предупреждая этотъ вопросъ, еп. Графтонъ слѣшилъ объяснить, что онъ миссію свою считаетъ шире: что оставаясь въ нѣдрахъ своей епископальной церкви, имѣя влияние по сану епископства, онъ можетъ гораздо болѣе сдѣлать для блага соединенія Церквей, чѣмъ если бы онъ порвалъ внѣшне съ своей Церковью и откололъ часть своей паствы къ слиянію съ Церковью восточной.

Правъ ли онъ былъ въ этомъ, или нѣтъ, не беремся судить. Но въ это же время, нѣкоторые изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, проникнутыхъ ужасомъ при созерцаніи протестантизма, разрушающаго ихъ церковь, вышли изъ состава ея и ушли въ латинство. И это послѣ того, какъ лучший и наиболѣе ученый изъ этихъ лицъ незадолго предъ тѣмъ заявлялъ публично въ собраніи, что онъ былъ бы счастливъ родиться православнымъ, и если бы когда либо оставилъ свою церковь, то — ради церкви Восточной. Нечего и говорить, что этотъ уходъ вышестованныхъ и пригрѣтыхъ еписк. Графтономъ «чадъ» его, и особенно его ближайшаго сотрудника и наперника, въ Римъ, безмѣрно огорчилъ еп. Графтона, и заставилъ его менѣе оптимистично относиться къ мысли о возможности скорого освобожденія еписк. церкви отъ латинскаго вліянія и присоединенія къ Востоку. Говорятъ, что въ послѣдніе годы своей жизни, не покидая молитвы объ осуществленіи пророчества Спасителя о единомъ стадѣ, и моленія Его да вси едино будутъ, еп. Графтонъ увѣренно говаривалъ, что онъ не вѣритъ въ возможность осуществленія сего на землѣ...

Однимъ доблестнымъ воиномъ на нивѣ Христовой стало меньше. Каждый годъ жизни еп. Графтона — былъ цѣннымъ даромъ для Христіанской Церкви. Его прекрасная душа съ необычайными дарованіями, миссіонерская дѣятельность, его литературные труды, его воодушевленное слово, вся личность его — добраго ласковаго, привѣтливаго старца-прелата, — все это поставило его въ ряды первыхъ борцовъ на этой нивѣ и все это умножаетъ наше скорбное чувство при сознаніи, что этого борца нѣтъ болѣе въ живыхъ!

Миръ праху его, и вѣчная ему память!

Великая страна.

Такъ часто слышишь изъ устъ поавшихъ въ Америку т. н. «русскихъ» «политическихъ» «освободителей» (читай: лошадь укралъ, краснаго пѣтуха пустилъ, сиротское имущество прокутилъ и пр.) всякую чушь и хулу про Россію, что душа отдыхаетъ, когда наконецъ отъ чужихъ людей услышишь правдивое слово про нашу родину.

Вотъ, напр., кое-что изъ отчета американскаго консула въ Москвѣ, г. Снодграсса.

«Большая область — Сибирь, та Россія въ Азіи, о которой въ школьныхъ географіяхъ трактовалось недавно какъ о ледяной голыи пустынь, быстро превращается въ страну удивительнаго процвѣтанія.

«Казалось бы, неудачи русскаго оружія въ войнѣ съ японцами должны были повергнуть Сибирь въ угнетенное состояніе. А вышло наоборотъ.

«Подобно тому, какъ желѣзныя дороги открыли нашъ западъ и ускорили его развитіе, подобно тому какъ сейчасъ западная Канада переживаетъ процессъ трансформации благодаря постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, такъ и Сибирская дорога измѣнила картину вещей въ Сибири.

«Сибирская дорога теперь уже не просто трансконтинентальная линія. Она развила много вѣтокъ преимущественно на западъ, и колонизация обширныхъ территорій стала болѣе напряженной и болѣе удовлетворительной со стороны разработки мѣстныхъ натуральныхъ богатствъ.

«Огромная область Сибири не носитъ болѣе характера отчужденности отъ Имперіи какъ было въ прежніе годы, но органически вошла въ Имперію какъ коммерчески, такъ и политически.

«Притокъ эмиграціи изъ Европ. Россіи въ Сибирь огромный. Этотъ наплывъ катится къ востоку, и не только наполняетъ западную

прилегающую въ Европ. Россіи Сибирь, но и восточную, между озеромъ Байкаль и Владивостокомъ».

Примѣчальнымъ къ репортѣ г. Снодграсса является картина быстрого роста въ Сибири городовъ и селеній. Они вырастаютъ на матеръ американскихъ и многіе такъ же современны, какъ американскіе.

Напр., чисто америк. городъ Новониколаевскъ: американцы никогда о немъ и не слышали, да и произнести это названіе не могли бы. А въ десять лѣтъ онъ достигъ населенія въ 50,000 жителей!

Городъ Омскъ обѣщаетъ быть русскимъ Лейпцигомъ. Петропавловскъ оспариваетъ первенство у Омска.

Возрастаніе поименованныхъ городовъ не исключеніе, а правило для всѣхъ Сибирскихъ городовъ, очевидность чего доказывается бюджетомъ или годичными ассигновками на городскія цѣли. Бюджетъ двадцати Сибирскихъ городовъ за пять лѣтъ удвоился. Иркутскъ имѣетъ бюджетъ свыше, 1,000,000 дол., а Владивостокъ, Тобольскъ, Курганъ, Томскъ и многіе другіе центры невѣдомые вовсе американцамъ прямо процвѣтаютъ.

Вообще Сибирь развивается. Сообщеніе, банки, домостроительство, транспортныя, страховыя конторы, ярмарки, фабрики, мельницы все идетъ въ гору не по днямъ, а по часамъ»...

Редакторъ,

Каедральный Прот. А. Хотовицкій.